

Лица Сумеречная

Последняя из рода Солнца

Ли́ка Су́меречная

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА СОЛНЦА

«Автор»

2026

Сумеречная Л.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА СОЛНЦА / Л. Сумеречная — «Автор»,
2026

Тени идут по следу. Враг у ворот. Предатель — среди своих. У неё нет права на ошибку — она последняя. Айрис мечтала о тихой жизни травницы, но судьба решила иначе. Впустив в дом раненого незнакомца, она впустила в свою жизнь войну, магию и любовь. Любовь к тому, кого должна бояться, — к Лорду Льда, чьё проклятие убивает его изнутри. Вдвоём они — сила, способная противостоять древнему злу. Вдвоём они — надежда Севера. Но тьма требует жертв, и плата за спасение может оказаться непомерной. Выбор между жизнью и смертью, долгом и чувствами, светом и тьмой. Сделает ли она его? И успеет ли он спасти её, когда мир рухнет?

© Сумеречная Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ТРАВНИЦА ИЗ ГЛУШИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ли́ка Сумеречная

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА СОЛНЦА

ГЛАВА 1: ТРАВНИЦА ИЗ ГЛУШИ

В деревне Медовый Ручей меня знали как Айку – худощавую молчаливую девушку, что поселилась пять лет назад в крайней избе у самого леса. Слишком тихую для своих лет, слишком осторожную для деревенской дурочки, слишком... незаметную.

Именно такой я и старалась быть.

– Айка! Айка, проснись уже, солнце жопку жжёт!

Я вздрогнула и чуть не свалилась с лавки. В ставни колотили кулаком так, словно собирались высадить дверь вместе с петлями.

– Да встаю я, встаю! – крикнула я, натягивая платье прямо поверх сорочки. – Что случилось, тётя Глаша?

– У Михея корова разродиться не может! Беги скорее, пока совсем не загнулась бурёнка!

Я закатила глаза, но спорить не стала. Корова Михея – это вам не шутки, это полдеревни молоком обеспечивает.

Схватив свою корзинку с травами, я выскочила на крыльцо и чуть не столкнулась нос к носу с тётей Глашей – дородной женщиной лет пятидесяти, которая считала себя моей "деревенской мамкой" и регулярно пыталась меня причесать, накормить и выдать замуж.

– Опять не спала ночью? – подозрительно прищурилась она, оглядывая моё бледное лицо. – Мешки под глазами, как у старосты после сбора податей.

– Травы сушила, – привычно соврала я. – Сезон, знаете ли.

На самом деле я опять видела тот сон. Пламя, крики, и чьи-то руки, выталкивающие меня в окно, пока за спиной рушится всё, что я когда-то любила.

Пять лет прошло, а он всё возвращается.

– Ладно, – тётя Глаша махнула рукой и перешла на шёпот: – Ты это... осторожнее сегодня. Мужики в лесу следы видели. Не звериные.

У меня внутри всё похолодело.

– Чьи же?

– Тёмные, говорят. Будто кто-то прошёл, а трава почернела. Лорд бы наш северный разобрался, да где ж его теперь найдёшь? – тётя Глаша перекрестилась на всякий случай. – Говорят, он уже месяц в Цитадели сидит, никого не принимает.

Лорд Северных земель. Холодный, как его ледяные скалы, и страшный, как сама смерть. Я слышала о нём только вполголоса пересказанные истории – что он проклят, что его прикосновение превращает в лёд, что у него нет сердца.

Мне ли бояться сказок? Я сама живая сказка. Только страшная.

– Спасибо, тётя Глаша, – кивнула я и побежала к Михею.

–

Корову я спасла.

В этом я была хороша – лечить. Пальцы сами находили нужные точки, отвары получались такими, что даже безнадежные больные вставали на ноги. Дар, доставшийся от матери, которую я едва помнила. От всего рода, которого больше не существовало.

– Ну ты чародейка, Айка! – Михей, здоровенный мужик с рыжей бородой, смотрел на меня с таким восхищением, будто я воскресила мёртвую. – Чем тебе отблагодарить-то?

– Молоком, – улыбнулась я. – Как обычно.

Я не брала денег за лечение. Никогда. Потому что деньги привлекают внимание, а внимание могло меня убить.

Вместо денег я брала еду, старую одежду (которую перешивала себе), иногда просто доброе слово. Люди считали меня странной, но доброй. И это устраивало меня идеально.

К полудню я обошла ещё три двора – у кого-то ребенок кашлял, у кого-то старая бабка слегла с поясницей. К вечеру моя корзинка опустела, зато сумка оттягивала плечо: яйца, творог, краюха свежего хлеба и даже кусок сала, завёрнутый в тряпицу.

Я возвращалась к своей избе, когда заметила это.

На тропинке, ведущей к моему дому, трава была серой.

Мёртвой.

Я замерла, прислушиваясь. Ветер шевелил листву, где-то вдали лаяли собаки, пахло дымом из деревенских труб. Всё как обычно.

Кроме этого следа.

Я медленно подошла ближе, опустилась на корточки, коснулась пальцами пожухлых стеблей. Они рассыпались в пепел.

– Тёмный след, – прошептала я вслух.

Твари, что выходят из Северного леса, не оставляют таких следов. Они оставляют кровь, грязь и разрушения. Это было что-то другое. Магическое.

Я поднялась и, не оборачиваясь, быстро пошла к дому. Сердце колотилось где-то в горле. Всё, чему меня учили в детстве, кричало: беги! Бросай всё и беги!

Но куда?

Я уже бежала пять лет назад. С тех пор только и делала, что бежала.

Дверь моей избы была приоткрыта.

Я точно помнила, что закрывала её на засов. Привычка, ввевшаяся в кровь, – всегда проверять запоры.

– Кто здесь? – спросила я в пустоту. Голос дрогнул, и я разозлилась на себя за эту слабость.

Тишина.

Я толкнула дверь и вошла.

Внутри всё было на своих местах. Пучки трав под потолком, печь, лавка, сундук с вещами. Даже мои записи о свойствах растений лежали на столе так же, как я их оставила.

Ничего не тронуту. Ничего не украдено.

Кроме одного.

На столе, прямо поверх моих записей, лежал амулет. Круглый, размером с ладонь, тёмного металла с вкраплениями камня, который светился изнутри слабым голубым светом.

Я не знала, что это такое.

Но мои пальцы, коснувшиеся металла, вспыхнули жаром. Амулет засветился ярче, и я почувствовала, как по венам разливается тепло – чужое, опасное, но такое знакомое...

Сила.

Моя сила откликнулась на него.

И в этот момент за спиной раздался голос. Низкий, хриплый, с металлическими нотками:

– Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

Я резко обернулась, сжимая амулет в кулаке.

В дверях стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмном плаще, заляпанном грязью и – я пригляделась – кровью. Лицо скрывал капюшон, но я успела заметить резко очерченные скулы и бледную, почти прозрачную кожу.

– Кто вы? – спросила я, отступая к столу. За спиной, под рукой, лежал нож для резки трав. Не оружие, но лучше, чем ничего.

– Тот, кому нужна помощь, – он шагнул вперёд и вдруг покачнулся, хватаясь за косяк двери. Капюшон упал, открывая лицо.

Я замерла.

Он был молод – может, лет тридцать, не больше. Но дело было не в возрасте. Глаза... они были светлыми, почти белыми, с вертикальными зрачками, как у хищника. И в них застыла такая боль, что у меня перехватило дыхание.

– Пожалуйста, – сказал он одними губами. – Я заплачу.

И осел на пол у моих ног.

–

Я смотрела на него несколько долгих секунд, пытаюсь осознать происходящее. В голове билась только одна мысль: это ловушка. Это точно ловушка. Сейчас ворвутся люди в чёрном, схватят меня и...

Никто не врвался.

Мужчина лежал на полу, не двигаясь, и только слабое дыхание поднимало его грудь.

– Твою ж... – выдохнула я и бросилась к нему.

Первым делом оттащила подальше от порога – на тот случай, если он всё-таки привёл за собой хвост. Потом стащила плащ.

То, что я увидела, заставило меня похолодеть.

Вся его грудь была исполосована ранами. Не ножевыми – другими, будто кто-то когтями рвал плоть. И края ран... они были чёрными. Мёртвыми, как та трава на тропинке.

– Северный лес, – прошептала я, догадываясь. – Ты из Северного леса?

Он не ответил. Он был без сознания.

Я лихорадочно соображала. Такие раны я видела однажды, когда в деревню принесли охотника, забредшего слишком далеко. Он умер через час, превратившись в лёд.

Но этот был жив.

Я разорвала его рубаху, обнажая грудь, и замерла. На коже, прямо над сердцем, темнел рисунок. Клеймо. Печать проклятия.

Такие рисуют только одним магам – тем, кто служит Тьме.

– Ты кто такой, Северный Лорд? – спросила я у бессознательного тела.

И тут амулет в моей руке вспыхнул так ярко, что я зажмурилась. А когда открыла глаза, поняла, что выбора у меня больше нет.

Я видела, как печать на его груди пульсирует, пытаюсь забрать остатки жизни, и понимала: если я не вмешаюсь, он умрёт. А если вмешаюсь – раскрою себя.

Лекарь, способный лечить проклятых Тьмой, – это не просто травница из глухой деревни. Это та, кого ищут.

– Ну почему ты пришёл именно ко мне? – простонала я, но руки уже сами тянулись к пучкам трав.

Сушёный зверобой, корень одуванчика, щепотка полыни и – самое главное – несколько капель моей крови. Потому что моя кровь, последняя кровь рода Солнца, была единственным, что могло противостоять Тьме.

Я заварила отвар, влила в него несколько капель, и начала обрабатывать раны.

Кожа под моими пальцами нагревалась, чёрный цвет медленно отступал, уступая место нормальной плоти. Но сил это забирало столько, что перед глазами поплыли круги.

– Ты должен мне, Северный, – прошептала я, заканчивая перевязку. – Очень много должен.

Я откинулась на лавку, чувствуя, как дрожат руки. Проклятие отступало, но не исчезло полностью – это было выше моих сил. Я лишь заморозила процесс, дала ему время.

Незнакомец застонал и открыл глаза.

– Ты... – его взгляд метнулся по комнате, остановился на мне. – Ты меня вылечила?

– Частично, – буркнула я. – Ты чуть не умер. Кто на тебя напал?

Он попытался сесть, зашипел от боли и откинулся обратно.

– Тени. Они вышли из леса.

– Тени не выходят из леса, – возразила я. – Они привязаны к Северной Цитадели. Это все знают.

Он посмотрел на меня странно. Долго. Изучающе.

– Ты много знаешь для деревенской травницы.

Я внутренне сжалась.

– Я много читаю.

– В этой дыре? – он хмыкнул. – Ладно. Спасибо. Я твой должник.

– Ты уже сказал. Амулет свой заberi, – я протянула ему круглый металл.

Он покачал головой.

– Оставь себе. Он тебе понадобится.

– С чего бы?

Незнакомец закрыл глаза, и голос его стал тише:

– Потому что они придут за тобой. Тени чувят свет. А ты, травница, светишься так ярко, что видно за сотню лиг.

У меня оборвалось сердце.

– Я не понимаю, о чём ты.

– Понимаешь, – он снова открыл глаза. В них больше не было боли – только холодная, расчётливая решимость. – Ты из рода Солнца. Я знаю эту магию. И я знаю, что ты здесь не просто так.

Я вскочила, сжимая нож:

– Убирайся. Немедленно.

Он не двинулся с места.

– Не могу. Мне нужна твоя помощь. А тебе – моя защита. Потому что тени уже знают, где ты. Скоро здесь будет весь Северный лес.

– Ты привёл их! – выкрикнула я.

– Я пытался их отвести, – спокойно ответил он. – Не получилось.

Мы смотрели друг на друга. Я – сжимая нож и чувствуя, как рушится вся моя жизнь, которую я так старательно строила пять лет. Он – со странной смесью усталости и надежды.

За окном начало темнеть.

– Как тебя зовут? – спросила я наконец.

– Кай, – ответил он. – А тебя?

– Айка, – соврала я.

Он усмехнулся, словно почувствовал ложь.

– Очень приятно, Айка. Что будем делать?

Я посмотрела на дверь. На окна. На лес, который чернел за околицей.

– Для начала – выживем.

–

Ночь я не спала.

Не потому что боялась – хотя боялась, конечно, до дрожи в коленях. А потому что на моей лавке лежал мужчина, который знал, кто я такая. Знал и не спешил меня убивать. Пока.

К рассвету я приняла решение.

– Вставай, – я пнула его ногой. Не сильно, но чувствительно. – Нам нужно в лес.

Кай открыл глаза мгновенно – так просыпаются только те, кто привык ждать нападения каждую секунду.

– Зачем?

– Затем, что твои раны нужно лечить дальше, а у меня закончились некоторые травы. И потом, – я помедлила, – если тени и правда идут по следу, мне нужно знать, с чем мы имеем дело.

Он сел, поморщившись от боли в боку. Ночью я меняла повязки трижды – чёрная дрянь никак не хотела отступать полностью. Проклятие сидело глубоко, въевшись в кости.

– Ты слабая, – сказал он без обиняков. – Если на нас нападут, ты не справишься.

– Я слабая? – я усмехнулась. – Северный, ты без сознания рухнул у моего порога. Кто из нас слабый, давай уточним.

Он хмыкнул. Кажется, в его ледяных глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

– Хорошо. Идём. Но если что – беги. Не думая, не оглядываясь. Просто беги.

– Договорились.

Я накинула старый плащ, сунула в карман нож и коробочку с кремнем на всякий случай. Свою корзинку для трав я брать не стала – слишком приметная. Вместо неё взяла холщовый мешок, какие носят все деревенские.

– Идём.

–

Лес встретил нас тишиной.

Не той мирной тишиной, когда птицы просто молчат, а той, звенящей, когда замолкает всё живое, чуя опасность. Я выросла у кромки Северного леса и научилась читать его как раскрытую книгу. Сейчас книга кричала: "Уходи!"

– Чуешь? – тихо спросил Кай.

– Да. Они близко.

– Не они. ОН.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Тени не просто вышли из леса, – пояснил он, прокладывая путь через густой подлесок. – Их кто-то послал. Кто-то, кто умеет управлять тьмой. И этот кто-то хочет тебя.

– Меня? – я остановилась. – С чего бы?

– Потому что ты последняя. Последняя из рода, способного зажечь свет в кромешной тьме. Такие, как ты, – единственная угроза для таких, как он.

– Для кого "него"?

Кай обернулся. В сумраке леса его глаза светились почти по-звериному.

– Для моего брата.

–

Дальше мы шли молча. Я переваривала услышанное, а Кай, кажется, жалел, что сказал лишнее.

Брат. Значит, этот Северный Лорд – не просто проклятый одиночка. У него есть семья. И семья эта хочет меня убить. Или использовать. Или то и другое вместе.

– Стой, – я вдруг замерла, принохиваясь. – Здесь.

Среди обычного лесного запаха – прелой листвы, хвои, влажной земли – пробивался тонкий, едва уловимый аромат. Сладковатый, чуть пряный.

– Что там?

– То, что нам нужно.

Я опустила на колени и разгребла прошлогодние листья. Под ними, почти скрытая от глаз, росла трава с мелкими синими цветами. На вид – обычный лесной сорняк.

– Змеедушник, – пояснила я, аккуратно срезая стебли. – Цветёт раз в пять лет, растёт только там, где ступала нога мёртвого.

– Мёртвого? – Кай нахмурился. – Здесь кто-то умер?

– Много кто. Северный лес – кладбище для дураков, которые суются без подготовки.

Я собрала около десятка стеблей и спрятала в мешок.

– И что он делает?

– Если просто заварить – усыпляет. Если добавить корень полыни и каплю крови живого – вытягивает проклятие. Не полностью, но ослабляет.

Кай смотрел на меня с новым интересом.

– Откуда ты это знаешь? Такие рецепты не в деревенских книгах пишут.

Я промолчала. Не рассказывать же ему, что моя мать была главной целительницей королевского двора. Что я с пяти лет не играла в куклы, а запоминала названия растений и их свойства. Что наш родовый замок сгорел вместе с библиотекой, где хранились знания тысячелетий.

– Пойдём дальше, – сказала я вместо ответа.

–

Через час мой мешок оттягивали плечо: корень кровохлёбки, цветы бессмертника, несколько поганок, которые на самом деле были ценным лекарством (если знать, как готовить), и даже клочок мха, светящегося в темноте.

– Ты уверена, что это не ядовито? – Кай с сомнением разглядывал мох.

– Уверена. Это мох-светляк. Он растёт только там, где магия сочится из земли. Если приложить к ране – заживление ускоряется втрое.

– Магия из земли? – он поднял бровь. – Ты про места силы?

– Я про то, что Северный лес стоит на костях древних. Их магия никуда не делась. Она просто ушла в землю и кормит такие вот растения.

Я отряхнула руки и огляделась. Мы забрались довольно глубоко – дальше, чем я обычно хожу. Деревенские сюда не суются, потому что тут начинаются топи и легко заблудиться.

– Нам пора возвращаться, – сказала я. – Солнце скоро сядет, а в темноте...

– В темноте они выходят, – закончил за меня Кай.

Мы развернулись, и тут я услышала это.

Тихий, едва различимый шорох. Словно кто-то большой и очень осторожный крался за нами.

– Не оборачивайся, – одними губами сказал Кай. – Иди спокойно. Я прикрою.

– У тебя нет оружия.

– У меня есть я.

Я продолжила идти, делая вид, что ничего не замечаю. Сердце колотилось где-то в горле. За спиной раздался треск веток – и тут же глухой удар, хрип, и всё стихло.

Я всё-таки обернулась.

Кай стоял над телом огромного волка. Серого, размером с телёнка, с глазами, которые горели алым даже после смерти.

– Тень, – коротко сказал он. – Вселился в зверя.

– Он был один?

– Пока да.

– Пока? – переспросила я с ужасом.

Кай поднял голову, прислушиваясь. Лес молчал. Даже ветер затих.

– Бежим, – сказал он. – Сейчас.

Мы побежали.

–

Я не знала, как у него получается ориентироваться в этих дебрях, но Кай мчался так, словно всю жизнь прожил в Северном лесу. Я едва поспевала за ним, цепляясь одеждой за ветки и проклиная свою нелепую юбку.

Сзади нарастал вой. Сначала один голос, потом второй, третий... целая стая.

– Быстрее! – крикнул Кай, хватая меня за руку.

Его ладонь была ледяной. Такой холодной, что у меня перехватило дыхание. Но именно эта ледяная рука выдернула меня из-под лап огромной твари, выпрыгнувшей из кустов.

Кай ударил. Не знаю, что это было – магия или просто нечеловеческая сила, – но волк отлетел к дереву и затих.

– Твоя кровь! – крикнул он мне. – Ты говорила, кровь вытягивает проклятие! Сделай что-нибудь!

Я лихорадочно рванула мешок, расплескав половину содержимого. Змеедушник, корень полыни... где мох? Вот же он!

– Держи их! – крикнула я, растирая мох в ладонях до состояния кашицы.

Кай бился сразу с тремя. Я видела, как силы оставляют его – раны открылись, чёрная кровь текла по груди, но он продолжал драться.

Я полоснула ножом по ладони, капнула кровью в кашницу из мха, добавила щепотку змеедушника и, пока твари отвлеклись, швырнула этот комок в ближайшую.

Эффект превзошёл ожидания.

Волк взвизгнул, замер на месте и начал... таять. Серая шкура пошла рябью, из пасти повалил чёрный дым, и через секунду на земле лежало только обычное тело мёртвого зверя. Тень, сидевшая в нём, исчезла.

– Ещё! – зарычал Кай.

Я лихорадочно готовила новую порцию. Вторая тварь, третья... на четвертую не хватило мха.

– Бежим! – я схватила Кая за руку и потащила в сторону, где, как мне казалось, была деревня.

Мы вылетели на опушку, когда солнце уже почти село. Впереди горели огни Медового Ручья.

– Ещё немного, – выдохнула я. – Ещё чуть-чуть...

И тут земля под ногами ушла.

–

Я очнулась от того, что кто-то хлестал меня по щекам.

– Айка! Айка, очнись!

Тётя Глаша. Седые волосы растрепались, глаза безумные.

– Что?.. – я попыталась сесть и поняла, что лежу на своей лавке.

– Ты как из леса-то выбралась? Тебя этот... этот принёс на руках, без сознания. Я уж думала, помрёшь! – причитала тётя Глаша. – А этот, чёрный весь, велел никого не пускать и сам свалился у порога. Мужики его в дом затащили, думали, покойник уже, а он дышит вроде.

– Кай, – прошептала я. – Где он?

– В горнице твоей лежит. Спит. Или в отключке, я не разбираю.

Я села, преодолевая головокружение. Тело ломило, ладонь, которой я резалась, горела огнём.

– Ты это, – тётя Глаша замялась. – Ты как его лечила? Мужики говорят, раны у него чёрные. Нехорошие такие. Проклятые.

– Травы, – соврала я. – Особые травы.

– А кровь у тебя на руках откуда?

Я посмотрела на свои ладони. Они действительно были в крови. Но не в моей.

– Это его, – ответила я. – Перевязывала.

Тётя Глаша подозрительно сощурилась, но спорить не стала. Вздохнула тяжело, поднялась с колен.

– Ладно, травиница ты наша. Ты это... будь осторожна. Мужики бают, в лесу нынче беспокойно. А этот твой... – она махнула рукой в сторону горницы. – Чтой-то в нём чужое. Не наш он.

– Знаю, тетя Глаш. Спасибо.

Она ушла, а я кое-как доковыляла до горницы.

Кай лежал на лавке, бледный как смерть. Раны на груди почернели снова – видимо, в лесу открылись. Но он дышал. Живой.

Я опустилась рядом на колени и начала доставать из мешка то, что успела собрать. Змеедушник, корень, остатки мха. И своё последнее сокровище – маленький флакон с настоящей солнечной водой, которую я делала раз в год на летнее солнцестояние.

– Ты должен выжить, – сказала я ему, смешивая ингредиенты. – Потому что если ты умрёшь, я никогда не узнаю, кто я такая на самом деле.

Я капнула своей крови в отвар и начала вливать его в приоткрытый рот Кая.

Он закашлялся, открыл глаза и посмотрел на меня. В его взгляде было что-то такое, отчего у меня перехватило дыхание.

– Ты... – прошептал он. – Ты пахнешь солнцем.

И снова отключился.

А я сидела рядом и смотрела, как чернота на его груди медленно, очень медленно отступает. Мой отвар работал. Моя магия работала.

Значит, я всё ещё была последней из рода Солнца.

И, кажется, только что нашла того, ради кого стоило перестать прятаться.

–

Три дня я не выходила из дома.

Формально – потому что лечила тяжелораненого. На самом деле – потому что боялась, что Кай очнётся и снова начнёт задавать вопросы, на которые у меня не было ответов.

Но он не задавал. Он просто лежал, пил мои отвары и смотрел в потолок.

– Ты всегда такой разговорчивый? – не выдержала я на третье утро.

– Нет, – ответил он.

– А какой обычно?

– Молчаливый.

Я закатила глаза и поставила перед ним кружку с очередным зельем. За эти дни я перепробовала всё, что знала: змеедушник, мох-светляк, кровохлёбку, даже добавила немного солнечной воды – последние капли. Проклятие отступало, но не сдавалось. Оно сидело глубоко, вевшись в самую суть.

– Твоя магия слабеет, – заметил Кай, приюхиваясь к отвару. – Раньше пахло сильнее.

– Раньше у меня был запас, – буркнула я. – Теперь он кончился.

– Пополнишь?

– Для этого нужно идти в лес. А в лесу тени.

Он помолчал, потом поднял на меня свои светлые глаза:

– Я пойду с тобой.

– Ты еле сидишь.

– Я сажу. Для начала достаточно.

Я хотела возразить, но в этот момент за дверью раздался шум. Крики, топот, звон металла – такого в нашей тихой деревне не случалось годами.

Я выскочила на крыльцо и замерла.

По главной улице Медового Ручья ехали всадники. Чёрные лошади, чёрные плащи, на груди – серебряная эмблема: ледяной дракон с раскрытой пастью.

– Северная стража, – выдохнула я.

За моей спиной бесшумно появился Кай. Он стоял, опираясь о косяк, бледный как полотно, но смотрел на всадников с таким спокойствием, будто каждый день видел такое.

– Это мои, – сказал он.

– Твои?

– Стража Цитадели. Ищут меня.

Я схватила его за руку и втащила обратно в дом:

- Ты с ума сошёл? Если они увидят тебя в таком состоянии...
- То что? Убьют? – он усмехнулся. – Это мои люди. Самые преданные.
- Откуда мне знать?
- Ниоткуда. Придётся поверить.

Я выглянула в окно. Всадники спешили возле дома старосты, и через минуту оттуда донёлся громкий, встревоженный говор. Потом дверь старосты распахнулась, и тучный мужик в испачканной рубахе выбежал на улицу, показывая рукой в сторону моей избы.

- Они знают, – прошептала я. – Он им сказал.

Кай шагнул к двери.

– Стой! – я загородила проход. – Если ты выйдешь, они увидят, что с тобой. Что ты ранен. Что проклятие...

- Что проклятие отступает, – закончил он. – И это хорошо.
- Это опасно!
- Для кого?

Я не успела ответить. Дверь распахнулась без стука, и в дом ворвались трое. Высокие, в чёрных доспехах, с мечами наголо.

- Ни с места! – рявкнул первый, наставив на меня клинок. – Именем...

Он осекся, увидев Кая.

- Лорд? – голос его дрогнул. – Лорд Кайан? Вы живы?

– Как видишь, Верн, – спокойно ответил Кай. – Убери меч. Ты пугаешь мою спасительницу.

Стражник – Верн – уставился на меня так, будто я была привидением. Потом медленно опустил меч и рухнул на колени. Двое других последовали его примеру.

– Мы искали вас десять дней, – глухо сказал Верн. – Думали, вы погибли в лесу. Тени... мы нашли следы битвы, столько крови...

- Я жив благодаря ей, – Кай кивнул в мою сторону.

Верн поднял голову и посмотрел на меня с новым выражением. В его взгляде смешались благодарность, подозрение и... страх?

- Кто вы? – спросил он.
- Травница, – ответила я. – Айка.
- Травница, – повторил он недоверчиво. – Которая вылечила проклятого Тенью?
- Которая попыталась, – поправила я. – Полного исцеления пока нет.

Верн переглянулся с остальными.

- Лорд, – сказал он, обращаясь к Каю. – Нам нужно срочно возвращаться в Цитадель.

Дела плохи.

- Насколько плохи?
- Ваш брат...
- Я знаю про брата, – перебил Кай. – Что ещё?

Верн помялся, бросил взгляд на меня, потом на закрытую дверь.

- Можно говорить при ней?
- Можно. Я ей доверяю.

У меня внутри что-то дрогнуло. Он сказал это так просто, будто мы были знакомы годы, а не три дня.

– Ваш брат объявил, что вы мертвы, – выпалил Верн. – И что теперь Север принадлежит ему. Он уже занял три пограничных замка и движется к столице.

Кай побледнел ещё сильнее, если это вообще было возможно.

- Какие замки?
- Ледяной Утёс, Северные Врата и... Ваш личный, Лорд. Родовое гнездо.

Наступила тишина. Такая плотная, что было слышно, как трещит свеча.

– Мой замок, – медленно повторил Кай. – Он взял мой замок?

– Там был гарнизон, но... – Верн запнулся. – Ваш брат сказал, что вы погибли и теперь по закону всё переходит к нему. Половина гарнизона перешла на его сторону. Другая половина... мертва.

Кай закрыл глаза. Я видела, как ходят желваки на его скулах, как побелели костяшки пальцев, сжимающих край стола.

– Когда? – спросил он.

– Пять дней назад.

– А Совет? Король?

– Король молчит. Говорят, он боится вашего брата. Или... – Верн понизил голос. – Или он на его стороне.

Я слушала и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Брат Кая захватывает Север. Король предал. Тени вышли из леса. А я – последняя из рода Солнца – сижу в деревенской избе и варю травяные отвары.

– Мне нужно идти, – сказал Кай, открывая глаза. – Сейчас.

– Вы не дойдёте, – возразил Верн. – Даже верхом. Вы еле стоите.

– Значит, поеду лёжа.

– Кай, – я шагнула вперёд. – Ты умрёшь в дороге. Проклятие ещё не отпустило. Если начнётся битва, ты даже меч не поднимешь.

Он посмотрел на меня. В его глазах плескалась такая боль, что у меня сжалось сердце.

– Если я не пойду, умрут другие. Мои люди. Те, кто остался мне верен.

– Тогда я пойду с тобой.

Тишина. Теперь уже все смотрели на меня – Кай, Верн, двое других стражников.

– Ты не понимаешь, что говоришь, – тихо сказал Кай.

– Я понимаю, что твоё проклятие снова начнёт разрастаться без моего лечения. Я понимаю, что в дороге ты можешь не выдержать. И я понимаю, что если ты умрёшь, меня всё равно найдут. Рано или поздно.

– Ты пойдёшь со мной в самое пекло, – он шагнул ко мне. – В замок, где мой брат. Где тени. Где война.

– Я иду с тобой в Цитадель, – твёрдо сказала я. – Потому что там у меня будет шанс найти настоящие лекарства. Книги. Знания. А здесь я просто буду ждать, пока тени меня сожрут.

Кай долго смотрел на меня. Потом кивнул.

– Хорошо. Верн, готовьте лошадей. Мы выступаем через час.

– Лорд, но она...

– Она едет со мной. Это не обсуждается.

Верн поджал губы, но спорить не посмел. Они вышли, оставив нас вдвоём.

– Ты правда веришь, что я смогу тебе помочь? – спросила я тихо.

Кай взял мою руку. Его пальцы были ледяными, но прикосновение – осторожным.

– Ты уже помогла. Ты единственная, кто смог. Значит, сможешь и дальше.

Я смотрела на наши переплетённые пальцы и думала о том, что всего неделю назад моей главной проблемой было, где достать свежий творог.

– Собирайся, – сказал Кай. – В Цитадели у тебя будет своя комната, библиотека и любые травы, какие найдутся в Северных землях.

– А если я не справлюсь?

Он усмехнулся – впервые за эти дни.

– Тогда мы умрём вместе. Но, честно говоря, я предпочту выжить.

–

Через час я стояла на пороге своего дома и смотрела, как соседи высыпали на улицу.

Тётя Глаша всплескивала руками и крестилась. Михай хмуро сжимал кулаки. Дети прятались за юбками матерей.

– Айка, ты куда? – крикнула тётя Глаша, когда я подошла к лошади. – Ты ж наша!

Я обернулась. Эти люди пять лет давали мне кров и еду. Прятали меня, сами не зная от кого. Кормили, когда я болела. Звали на праздники.

– Я вернусь, – сказала я. – Обязательно вернусь.

– Ври больше, – всхлипнула тётя Глаша. – Туда, откуда эти, – она кивнула на стражников, – не возвращаются.

Я подошла к ней и обняла.

– Спасибо вам за всё.

– Да за что ж спасибо-то? – она шмыгнула носом. – Ты ж наших детей лечила. Моего Ваньку от лихоманки спасла. Это мы тебе должны.

– Никто никому не должен, – я отстранилась. – Просто живите.

Кай уже сидел на лошади, бледный до синевы, но держался прямо. Верн подвёл вторую – серую в яблоках, с добрыми глазами.

– Умеешь? – спросил он.

– Держаться в седле? – я усмехнулась. – Приходилось.

Я не стала говорить, что последний раз ездила верхом пять лет назад, когда спасалась из горящего замка. Что лошадь подо мной тогда убили, и я упала, сломав ребро. Что после этого я поклялась больше никогда не садиться в седло.

Но времена меняются.

Я вскочила на лошадь, чувствуя, как мышцы протестующе ноют. Кай кивнул мне, и мы тронулись.

–

Деревня осталась позади. Медовый Ручей, моя изба, тётя Глаша с мокрым платком – всё это уменьшалось и таяло за спиной, пока не скрылось за поворотом.

– Не жалеешь? – спросил Кай, поравнявшись со мной.

– Ещё не знаю, – честно ответила я. – Спроси через неделю.

– Спрошу. Если доживём.

Впереди темнел лес. Тот самый Северный лес, откуда пришли тени. Где прятались звери с алыми глазами. Где магия сочилась из земли и сводила с ума путников.

– Нам туда? – уточнила я.

– Нам через него, – поправил Кай. – Это единственная дорога к Цитадели.

Я глубоко вздохнула.

– Значит, через него.

Мы въехали под сень деревьев, и солнце скрылось, будто его и не было.

–

Верн ехал впереди, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Двое стражников замыкали шествие. Я держалась рядом с Каем, готовая в любой момент достать свои травы.

– Расскажи мне про брата, – попросила я, чтобы отвлечься от страха.

– Зачем?

– Затем, что если мы едем в его замок, я должна знать, что нас ждёт.

Кай помолчал, собираясь с мыслями.

– Его зовут Деймон. Мы близнецы.

– Близнецы? – я удивилась. – Вы совсем не похожи.

– Внешне – да. Внутренне – тоже. Я всегда был... спокойнее. Он – огонь. Ему всё время было мало: власти, денег, признания. Когда отец умер и титул Лорда Севера перешёл ко мне, Деймон не простил.

– Он хотел править?

– Он хотел всего. Но главное – он хотел снять проклятие.

– Какое проклятие?

Кай посмотрел на меня долгим взглядом:

– То же, что и у меня. Мы оба прокляты. С рождения. Тьма внутри нас – это наследство нашего рода.

Я вспомнила чёрные раны на его груди. То, как тени выли по ночам. Как амулет светился в моей руке.

– И он хочет снять его любой ценой?

– Он хочет снять его, убив последнего из рода Солнца.

Ледяной ужас сковал моё горло.

– То есть...

– То есть он ищет тебя. И теперь, когда я нашёл тебя первым, он сделает всё, чтобы тебя забрать. Или убить.

Лошадь подо мной всхрапнула, будто почувала мой страх.

– И ты везёшь меня прямо к нему? – мой голос сорвался на шёпот.

– Я везу тебя туда, где ты будешь в безопасности. В Цитадели мои люди. Там стены, которые не пробить магии. И там я смогу тебя защитить.

– А если твои люди переметнулись к нему, как те, в замке?

Кай посмотрел мне прямо в глаза:

– Тогда мы умрём. Но я обещаю – ты умрёшь последней. Только после меня.

Я не знала, что ответить на такое. Поэтому просто кивнула и пришпорила лошадь.

–

Лес вокруг жил своей жизнью. Где-то кричали птицы, шуршали мелкие зверьки, пахло хвоей и прелой листвой. Обычный лес. Если не знать, что под каждым кустом может прятаться смерть.

– Стойте! – Верн вдруг поднял руку.

Все замерли.

– Что там? – тихо спросил Кай.

– Запах крови. Свежей.

Я принюхалась. Действительно, ветер нёс что-то металлическое, тяжёлое.

– Оставайтесь здесь, – Верн спешил и бесшумно скрылся в кустах.

Мы ждали. Минута, две, пять. Лес молчал.

Потом раздался крик. Короткий, страшный – и оборвался.

Кай рванул с места раньше, чем я успела сказать хоть слово. Я бросилась за ним, забыв про страх.

То, что мы увидели на поляне, заставило меня зажать рот рукой.

Верн лежал на земле. Над ним стояла тень – огромная, бесформенная, сотканная из черноты. А рядом...

Рядом стоял человек.

Высокий, светловолосый, с глазами такими же ледяными, как у Кая. Он улыбался.

– Брат, – сказал он мягко, почти ласково. – А я тебя заждался.

–

В ту ночь мне не спалось.

Бывает такое: воздух становится слишком тяжёлым, тишина – слишком громкой, а сны – слишком реальными. Ворочаешься с боку на бок, считаешь трещины на потолке и ждёшь рассвета, который всё не наступает.

Я лежала на лавке, укрывшись старым одеялом, и смотрела, как луна пробивается сквозь щели в ставнях. Полосы света ложились на пол, дрожали и двигались, будто живые.

За стеной ухнула сова. Где-то в лесу завыл волк. Обычные звуки. Я слышала их пять лет и давно перестала вздрагивать.

Но в эту ночь всё было иначе.

Я села, прислушиваясь. Тишина. Слишком плотная, слишком ватная. Даже сверчки замолчали.

И тогда я услышала шаги.

Кто-то шёл со стороны леса. Тяжело, сбивчиво, спотыкаясь. Человек – или не человек – явно еле держался на ногах.

Я мгновенно вскочила, нащупала в темноте нож – тот самый, для резки трав, и замерла у двери.

Шаги приближались. Хруст веток, тяжёлое дыхание, и вдруг – глухой удар. Тело упало где-то у самого крыльца.

Я ждала. Минута, две, пять. Тишина.

Осторожно, стараясь не скрипеть половицами, я подошла к окну и чуть приоткрыла ставню.

На крыльце, прямо у моей двери, лежал человек. В темноте я видела только тёмный плащ, разметавшиеся волосы и руку, неестественно вывернутую в сторону.

Первая мысль: ловушка.

Вторая: если это ловушка, то очень глупая.

Третья: если я не открою, он умрёт прямо здесь.

Я ругала себя последними словами, но руки уже отодвигали засов.

Дверь распахнулась, и лунный свет залил крыльцо.

–

Он был огромным.

Даже лежа на досках, скрючившись от боли, он занимал почти всё крыльцо. Широкие плечи, длинные ноги, кисти рук – крупные, с длинными пальцами. Одежда – дорогая, но изодранная в клочья. Плащ из плотной тёмной ткани, сапоги из хорошей кожи, на поясе пустые ножны.

Меч потерял. Или у него забрали.

Я опустилась на колени и осторожно коснулась его плеча. Горячий. Очень горячий. Сквозь ткань рубахи пробивался жар, как от печки.

– Эй, – позвала я тихо. – Вы меня слышите?

Он застонал и попытался повернуть голову. В свете луны я увидела лицо.

Молодое. Лет тридцать, не больше. Резкие черты, острые скулы, тёмные брови вразлёт. Глаза закрыты, но даже так чувствовалось – когда откроет, взгляд будет тяжёлым.

И бледный. До синевы.

Я откинула край плаща и замерла.

Вся его грудь была в крови. Рубаха почернела, прилипла к телу, и даже в темноте было видно – раны не простые. От них шёл странный запах. Горелый, но не так, как пахнет пожар. По-другому. Мёртвый запах.

– Твою ж... – выдохнула я.

Встать, закрыть дверь, сделать вид, что никого не видела? Ещё не поздно. Запереться, притаиться, переждать. Утром его найдут – или не найдут, лес большой.

Я уже почти поднялась, когда он открыл глаза.

И я пропала.

Потому что таких глаз я не видела никогда. Светлые, почти белые, с вертикальными зрачками, как у хищника. В них плескалась такая боль, что у меня перехватило дыхание.

– Помоги, – сказал он одними губами. – Пожалуйста.

Голос хриплый, слабый, но в нём чувствовалась порода. Привычка повелевать. Такие люди не просят – они приказывают. Но сейчас он просил.

Я выругалась в голос, закинула его руку себе на плечо и потащила в дом.

–

Он весил как проклятие. Хорошо хоть, не сопротивлялся – сил не было. Я дотащила его до лавки, сгрузила и побежала закрывать дверь.

Засов. Проверить окна. Ещё раз засов.

Когда обернулась, он уже лежал на спине, глядя в потолок мутными глазами.

– Не смей умирать, – рявкнула я, разжигая свечи. – Слышишь? Я тебя не для того тащила, чтобы ты тут дуба дал.

Он не ответил.

Я схватила ножницы и разрешила рубаху. Ткань разошлась, открывая грудь, и я застыла с ножницами в руках.

Раны. Много ран. Рваные, глубокие, с чёрными краями. Не ножевые, не звериные – другие. Будто кто-то когтями рвал, но когти эти были из тьмы.

Проклятые раны.

Я видела такие однажды. Давно, в другой жизни, когда отец ещё был жив и к нам привели лекаря, который сунулся в Запретный лес. Он умер через час, превратившись в лёд.

Этот был ещё жив.

– Кто ты такой? – прошептала я, разглядывая его лицо.

Не знаю, что заставило меня взяться за лечение. Может быть, отчаяние в его глазах. Может быть, глупая надежда, что если я спасу его, то искуплю что-то в своей прошлой жизни. А может, просто привычка лечить всё, что дышит.

Я достала свои запасы.

–

Травы. Вода. Чистые тряпки. Всё, что у меня было.

Я промывала раны и видела, как чёрное неохотно отступает под моими пальцами. Моя сила – та самая, которую я прятала пять лет – просыпалась и тянулась к нему.

– Ты пахнешь светом, – вдруг сказал он.

Я вздрогнула и отдернула руки.

Он смотрел на меня. Взгляд уже осмысленный, но страшно уставший.

– Лежи, – приказала я. – Не разговаривай.

– Ты меня лечишь, – он не спрашивал, утверждал. – Значит, ты не простая травница.

– Я та, кто пытается спасти твою шкуру. Помолчи.

Он усмехнулся. Даже сейчас, весь израненный, еле живой, он нашёл силы усмехнуться.

– Упрямая.

Я закатала рукава и принялась заново обрабатывать самые глубокие раны. Пальцы дрожали, но я не позволяла себе остановиться. С каждой минутой я понимала всё яснее: этот человек не простой путник. Такие раны не получают в драке с разбойниками. Такие раны оставляет только одна тварь – та, что живёт в Северном лесу.

– Ты из Цитадели? – спросила я, затягивая повязку.

Он помолчал.

– Можно и так сказать.

– Лорд?

– Можно и так.

Я резко подняла голову. В свете свечей его лицо казалось высеченным из камня. Красивое. Опасное. И эти глаза – светлые, холодные, нечеловеческие.

– Ты Северный Лорд, – выдохнула я.

– Я Кай, – ответил он. – Просто Кай. Сегодня.

Я смотрела на него и не знала, что делать. Бежать? Добить? Спрятать?

– Ты не похож на чудовище, – сказала я наконец.

– Чудовища редко похожи на себя. В этом их главная сила.

Я хмыкнула и вернулась к ранам.

–

До рассвета я не сомкнула глаз. Меняла повязки, поила отварами, следила, чтобы жар не поднялся снова. Он то проваливался в забытье, то открывал глаза и смотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

– Как тебя зовут? – спросил он под утро.

– Айка.

– Айка, – повторил он. – Спасибо.

– Не за что. Ты мне заплатишь.

– Чем?

Я пожала плечами:

– Придумаю. Ты должен.

Он улыбнулся. Впервые – по-настоящему. И от этой улыбки у меня внутри что-то перевернулось.

– Договорились.

За окном начало светать. Петухи ещё не запели, но небо на востоке посерело. Скоро в деревне начнётся жизнь, и мне нужно было придумать, как объяснить появление в моём доме этого... этого северного гостя.

– Отдыхай, – сказала я, поднимаясь. – Завтра поговорим.

– Сегодня, – поправил он. – Уже сегодня.

– Сегодня, – согласилась я. – Спи.

Я задула свечи и вышла во двор. Воздух был свежим, пахло росой и хвоей. Я села на крыльцо – то самое, где нашла его несколько часов назад – и обхватила колени руками.

Что я наделала? Впустила в дом чужака. Северного Лорда. Проклятого. Того, кого боятся все.

Но когда он смотрел на меня, я не чувствовала страха. Я чувствовала что-то другое. Что-то, чему не могла подобрать названия.

– Дура, – сказала я себе. – Круглая дура.

Из дома донёсся тихий стон. Я вскочила и побежала обратно.

–

Он метался в бреду.

– Деймон... не смей... она моя... – слова вырывались хрипло, бессвязно. – Солнце... не отдам...

Я опустилась рядом, приложила ладонь к его лбу. Горячий. Снова горячий.

– Тихо, – прошептала я. – Тихо, Кай. Ты в безопасности.

Он вдруг схватил мою руку. Крепко, до боли.

– Не уходи, – сказал чётко, глядя прямо на меня. – Останься.

– Я здесь, – ответила я. – Я никуда не уйду.

Он выдохнул и расслабился, проваливаясь в сон. Но руку мою не отпустил.

Я сидела рядом, чувствуя тепло его ладони, и понимала: моя тихая жизнь закончилась.

В ту самую минуту, как он постучал в мою дверь.

Или даже раньше. В ту минуту, когда я решила открыть.

–

Утром я вышла во двор за водой и столкнулась с тётей Глашей.

– Айка! Ты чего такая бледная? Опять не спала? – она подозрительно оглядела меня. – И чего это у тебя дверь на засове? Боишься кого?

– Травы сушила, – ответила я привычную ложь. – Всю ночь провозилась.
– Травы, травы... – тётя Глаша покачала головой. – Ты бы хоть мужика себе завела, что ли. А то всё одна да одна. Не дело это.

– Как-нибудь без мужика, – улыбнулась я. – Мне и так хорошо.

– Хорошо ей, – проворчала тётя Глаша. – Ладно, беги. Я к старосте, там новости с границы пришли. Говорят, Северный Лорд...

Я замерла.

– Что – Северный Лорд?

– Да кто ж его знает. Говорят, пропал. Или убили. Или сам ушёл. Тёмные дела, в общем.

– Понятно, – сказала я как можно спокойнее. – Вы идите, тётя Глаш. А мне правда бежать надо.

Я развернулась и почти бегом вернулась в дом.

Кай сидел на лавке. Бледный, но с ясными глазами.

– Слышал? – спросила я.

– Достаточно, – ответил он.

Мы смотрели друг на друга, и в его взгляде я читала то же, что чувствовала сама: игра началась.

–

Три дня.

Три дня я выхаживала этого северного гостя, и за все три дня он не сказал мне ни слова о том, кто он на самом деле.

Я не спрашивала. Во-первых, потому что лечить легче, когда пациент молчит. Во-вторых, потому что боялась ответов.

Но утро четвёртого дня началось с того, что я открыла глаза и увидела его сидящим на лавке. Одного. С совершенно ясным взглядом.

– Ты очнулся, – сказала я глупо.

– Я не спал, – ответил он. – Три дня наблюдал, как ты суетишься вокруг меня. Занятое зрелище.

Я села, поправляя сбившуюся рубаху. В голове шумело от недосыпа, но мысль работала чётко: он в порядке. Действительно в порядке. Моё лечение сработало.

– Раны? – спросила я деловито.

– Затянулись.

– Жар?

– Спал.

– Проклятие?

Он помолчал.

– Отступило. Частично.

Я подошла и без спроса откинула край его рубахи. На груди, там, где ещё вчера чернели страшные раны, теперь розовели свежие шрамы. Чёрная кайма исчезла, но глубоко внутри, под кожей, я чувствовала что-то тёмное. Оно притаилось, замерло, но не ушло.

– Я не могу убрать его полностью, – призналась я. – Моих сил недостаточно.

– Твоих сил, – повторил он. – Не трав, не отваров, а сил.

Я отдернула руку и отвернулась к печи, делая вид, что поправляю дрова.

– Травы – это и есть моя сила.

– Не ври, – спокойно сказал он. – Я чувствую магию. Ты светишься, Айка. Даже сейчас, когда пытаешься быть незаметной.

Я резко обернулась. Он смотрел на меня без страха, без удивления – с интересом. Как учёный на редкий экземпляр.

– Ты не боишься? – спросила я.

– Чего?

– Того, что я могу оказаться не той, за кого себя выдаю.

Он усмехнулся – впервые за эти дни открыто, почти весело.

– Девушка, которая три дня выхаживала меня, не спрашивая платы, не пытаясь ограбить или убить, – это лучшая рекомендация. Кем бы ты ни была, ты спасла мне жизнь. Этого достаточно.

Я растерялась. Такого ответа я не ожидала.

– Есть хочешь? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Хочу.

–

За завтраком мы молчали. Я наварила каши, нарезала хлеба, поставила на стол кринку с молоком. Он ел аккуратно, но с волчьим аппетитом человека, который давно не видел нормальной еды.

– Давно не ел? – спросила я.

– Четыре дня. До того как прийти сюда, я шёл по лесу трое суток.

– Трое суток с такими ранами?

– Выбора не было.

Я покачала головой. Железный человек. Или не человек?

Когда с едой было покончено, он отодвинул миску и посмотрел на меня в упор.

– Я должен заплатить за лечение.

– Я же сказала: потом придумаем.

– Я так не привык. – Он полез за пазуху и вытащил что-то, завернутое в тряпицу. – Возьми это.

Я развернула тряпицу и замерла.

На ладони лежал амулет. Круглый, размером с женский кулак, из тёмного металла, который, казалось, вбирал в себя свет. По краям шла вязь древних рун, а в центре мерцал камень – тёмно-синий, почти чёрный, но с искрой внутри.

– Что это? – спросила я.

– Плата, – коротко ответил он. – Этого хватит, чтобы ты могла не работать несколько лет. Продашь – получишь состояние.

– Такие вещи не носят простые путники.

– Я не простой путник.

– Знаю.

Он ждал. Я смотрела на амулет и чувствовала, как от него исходит тепло. Слабое, едва уловимое, но моё тело откликалось на него, как растение на солнце.

– Он магический, – сказала я.

– Очень. Родовой артефакт.

– И ты отдаёшь его мне?

– Ты спасла мне жизнь. Жизнь Лорда Севера стоит дорого.

Я подняла глаза. Он смотрел спокойно, без вызова, просто констатируя факт.

– Я знаю, кто ты, – тихо сказала я. – С той ночи, как ты назвал своё имя.

– И не выдала. Не побежала к старосте. Не попыталась убить. – Он чуть наклонил голову. – Почему?

– А почему я должна была тебя убивать?

– Потому что все боятся Северного Лорда. Считают чудовищем.

– А ты чудовище?

Он задумался.

– Не знаю. Иногда мне кажется, что да.

Я посмотрела на его руки – крупные, сильные, но такие осторожные, когда он брал кружку с молоком. На глаза – светлые, холодные, но с теплотой, которую он явно старался прятать.

– Чудовища не просят помощи, – сказала я. – Они просто берут.

– Ты плохо знакома с чудовищами.

– Возможно. Но я знакома с людьми. И ты, Кай из Цитадели, больше похож на человека, чем многие из тех, кого я встречала.

Он смотрел на меня долго. Очень долго. Так, что мне стало не по себе.

– Спрячь амулет, – сказал наконец. – И носи при себе. Он защитит тебя.

– От чего?

– От теней. От магии. От тех, кто захочет тебя использовать.

Я жала амулет в ладони. Металл нагрелся почти мгновенно, и я почувствовала, как по руке побежало тепло. Приятное, живое, родное.

А потом амулет засветился.

Я вскрикнула и разжала пальцы. Амулет упал на стол, продолжая светиться ровным золотистым светом.

– Что это? – выдохнула я.

Кай смотрел на амулет, и в его глазах читалось такое изумление, какого я у него ещё не видела.

– Этого не может быть, – сказал он медленно. – Он никогда не светился. Ни у кого.

– Что значит – ни у кого?

– Это родовой артефакт моей семьи. Он передаётся по наследству триста лет. И за триста лет его не смог активировать никто.

– Активировать?

– Он реагирует на чистую магию. На свет. На тех, кто способен нести этот свет.

Мы смотрели друг на друга. Я – с ужасом. Он – с внезапным пониманием.

– Кто ты, Айка? – тихо спросил Кай. – Настоящая.

Я молчала. Язык прилип к горлу.

– Ты не просто травница. Травницы не заживляют проклятые раны за три дня. Травницы не светятся в темноте. И травницы не активируют артефакты, которые веками лежали мёртвым грузом.

– Я... – голос сорвался. – Я не могу тебе сказать.

– Почему?

– Потому что если скажу, ты либо убьёшь меня, либо сдашь тем, кто убьёт.

Кай медленно поднялся. В полный рост он оказался ещё больше, чем я думала – под самым потолком, широкоплечий, опасный. Но в движениях не было угрозы.

– Я не убью тебя, – сказал он. – И не дам. Ты спасла мне жизнь. Этого достаточно, чтобы я защищал тебя до последнего.

– Ты не знаешь, кто я.

– Мне всё равно.

– Так не бывает.

– В моём мире бывает. – Он шагнул ближе. – Смотри на меня.

Я подняла глаза.

– Я Северный Лорд. Проклятый. Тот, кого боятся даже собственные братья. И за всю мою жизнь ты – первая, кто посмотрел на меня без страха. Первая, кто лечил, не требуя ничего взамен. Первая, кто отдал свою кровь, чтобы спасти чужую.

Я вздрогнула. Откуда он знает про кровь?

– Я чувствую её, – ответил он на незаданный вопрос. – В каждой капле твоих отваров. Твоя кровь пахнет солнцем. Так пахнет только один род во всех Северных землях.

– Какой? – прошептала я, хотя уже знала ответ.

– Род Солнца. Те, кто погиб пять лет назад. Все до одного.

– Не все, – вырвалось у меня.

Тишина. Такая густая, что можно резать ножом.

Кай смотрел на меня, и в его глазах я видела отражение своего собственного ужаса. Он понял.

– Ты последняя, – сказал он. – Последняя из рода Солнца.

Я не ответила. Но молчание было громче любых слов.

Амулет на столе продолжал светиться, заливая нашу маленькую избу золотым тёплым светом. Светом, которого здесь не было пять лет.

Светом надежды.

–

– Теперь ты понимаешь, почему я не могу оставаться здесь, – сказала я наконец. – Если твой брат ищет меня...

– Мой брат не узнает, – перебил Кай. – Я не скажу.

– А твои люди? Те, кто придёт за тобой?

– Мои люди будут молчать. Или умрут.

Я посмотрела на него с удивлением.

– Ты готов убивать своих ради незнакомой девчонки?

– Ты не незнакомая. Ты та, кто спас мне жизнь. И ты – последняя надежда на то, что проклятие можно снять.

– Я не умею снимать проклятия.

– Ты уже начала. Твоя кровь остановила тьму. Твой свет заставил её отступить. Если кто и может спасти Север, то только ты.

– Спасти Север? – я рассмеялась нервно. – Я пять лет пряталась в деревне и боялась собственной тени!

– Время прятаться прошло, – Кай взял амулет со стола и протянул мне. – Возьми. Он твой по праву. Свет всегда тянется к свету.

Я медленно протянула руку. Когда пальцы сомкнулись на тёплом металле, я почувствовала, как сила наполняет меня. Не та, чужая, пугающая, а своя, родная, которую я так долго прятала.

Амулет засветился ярче.

– Что теперь? – спросила я.

– Теперь мы ждём, – ответил Кай. – Мои люди придут за мной. А потом мы решим, что делать дальше.

– А если они придут раньше, чем твой брат?

– Значит, у нас будет время подготовиться.

Он сел обратно на лавку и закрыл глаза. Я осталась стоять у стола, сжимая в руке тёплый светящийся амулет, и чувствовала, как внутри меня просыпается что-то, что я считала мёртвым.

Надежда.

Страх.

И предчувствие большой беды.

–

Ночью мне снова приснился тот сон. Пламя, крики, мать, выталкивающая меня в окно. Но теперь в конце появилось что-то новое. Лёд. Север. И чьи-то руки, подхватывающие меня, не дающие упасть.

Я проснулась от того, что амулет на шее обжёг кожу.

В избе было тихо. Кай сидел у окна, глядя на лес.

– Тени близко, – сказал он, не оборачиваясь. – Я чувствую их.
– Насколько близко?
– Часа два. Может, меньше.
Я вскочила, начала лихорадочно собирать вещи.
– Что ты делаешь?
– Собираюсь бежать.
– Поздно. Они уже взяли след.
Я замерла.
– И что нам делать?
Кай обернулся. В темноте его глаза светились холодным голубым светом.
– Будем драться.
Я посмотрела на амулет в своей руке. Он пульсировал в такт сердцу.
– Я не умею драться, – сказала я честно.
– Научишься. Быстро.
За окном завывали волки. Или не волки.
– Кай, – позвала я.
– М?
– Если мы выживем, я расскажу тебе всё. Всю правду.
Он кивнул, не оборачиваясь:
– Я знаю. Поэтому мы выживем.
И тьма за окном стала плотнее.
–
Утро началось с криков.
Я подскочила на лавке, мгновенно проснувшись, – привычка, выработанная годами жизни в постоянном страхе. Кай уже стоял у окна, чуть отодвинув ставню.
– Сколько их? – спросила я шёпотом, натягивая платье.
– Пятеро. В чёрном. С севера.
– Твои?
– Нет. – Он обернулся, и я увидела в его глазах холодную ярость. – Мои так не одеваются.
Это люди Демона.
У меня внутри всё оборвалось.
– Они знают? Про тебя? Про меня?
– Про меня – вряд ли. Демон думает, что я мёртва. А вот про тебя... – он прищурился. – Кто-то в деревне видел амулет?
Я схватилась за горло. Амулет висел на шее, спрятанный под рубахой, но ночью, во сне, я могла выпростать его наружу.
– Не знаю. Может быть.
– Плохо.
С улицы доносился топот, громкие голоса, детский плач. Люди в чёрном не церемонились – стучали в двери, заходили без спроса, выбрасывали вещи из сундуков.
– Спрячься, – сказал Кай. – Я выйду к ним.
– Ты с ума сошёл? Если они увидят тебя...
– Они не увидят. Я умею быть невидимым, когда надо.
Он шагнул к двери, но я схватила его за руку.
– Кай. Если что-то пойдёт не так...
– Не пойдёт. Сиди тихо и не высывайся.
Он вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь. Я осталась одна, прижимаясь к стене и пытаюсь унять дрожь.
–

Сквозь щель в ставне я видела, что происходит на улице.

Люди в чёрном – высокие, молчаливые, с одинаково пустыми лицами – ходили по деревне, как хозяева. Они не спрашивали, они требовали. Не просили, они приказывали.

– Выходите все! – рявкнул один, тот, что казался главным. – Собрание у дома старосты! Живо!

Крестьяне выползали из изб, испуганные, непонимающие. Дети жались к матерям. Мужики хмуро сжимали кулаки, но не лезли в драку – против мечей не попрёшь.

Я видела, как Кай смешался с толпой. Он надвинул капюшон, ссутулился, стал ниже ростом – обычный мужик, каких много. Никто не обращал на него внимания.

– Слушайте сюда! – главный взобрался на крыльцо старосты. – Мы ищем девушку. Лет двадцать – двадцать пять. Худошавая, тёмные волосы, серая южная внешность. Могла поселиться здесь несколько лет назад.

У меня сердце ушло в пятки.

– Кто видел? Кто знает? Говорите!

Толпа молчала. Я видела, как тётя Глаша побледнела и перекрестилась под платком. Михей набычился, но молчал.

– Молчите? – главный усмехнулся. – Добром молчите? Ну-ну.

Он кивнул, и двое его людей пошли вдоль толпы, вглядываясь в лица.

– Всех перепишем, – объявил главный. – Всех осмотрим. Если найдём беглянку – получите награду. Если укроете – сожжём деревню дотла.

По толпе прокатился испуганный ропот.

– Да что ж вы творите? – вдруг выкрикнула тётя Глаша. – Люди мы или звери? Нет у нас никаких беглянок!

– Бабка, помолчи, – лениво посоветовал один из чёрных.

– А ты не указывай! Я здесь сорок лет живу, всех знаю! Нет у нас чужих!

Главный спрыгнул с крыльца и подошёл к тётю Глаше. Вблизи он оказался ещё страшнее – бледный, с тёмными кругами под глазами, словно не спал много ночей.

– Бабка, – сказал он тихо, почти ласково. – Я чувствую магию. Здесь, в этой деревне. Кто-то прячет свет. Кто-то лечил проклятого. И если ты не скажешь, кто, я начну пытаться.

– Да хоть убей! – тётя Глаша перекрестилась. – Не знаю я ничего!

Главный вздохнул и кивнул. Его люди схватили тётю Глашу за руки.

– Бабка пойдёт с нами. Посидит в подвале, подумает. Может, вспомнит.

– Отпустите её! – Михей шагнул вперёд. – Вы что творите, ироды?

– А, ещё один смелый, – главный даже не обернулся. – Этого тоже взять.

Двое чёрных двинулись к Михею. И тут из толпы вышел Кай.

– Отпустите их, – сказал он спокойно.

Все замерли. Главный медленно обернулся, разглядывая невысокого мужика в капюшоне.

– Это ты мне?

– Вам. Отпустите старуху и мужика. Они ничего не знают. Я знаю.

У меня внутри всё оборвалось. Что он делает?!

Главный прищурился:

– И кто же ты такой?

Кай скинул капюшон.

–

Я видела, как изменились лица чёрных. Как главный побелел, узнав. Как его люди попятнулись, хватаясь за мечи.

– Лорд Кайан, – выдохнул главный. – Вы... вы живы?

– Как видишь, – Кай говорил спокойно, но в голосе звенела сталь. – А теперь ответь мне, Верховный Пёс моего брата, какого демона ты делаешь в моих землях?

– Ваши земли теперь... – начал главный, но осекся под взглядом Кая.

– Мои земли всегда мои. Пока я жив. А я, как ты заметил, жив.

Тишина. Такая, что слышно было, как ветер шевелит листву.

– Мы ищем беглянку, – выдавил главный. – Приказ вашего брата.

– Моего брата здесь нет. А я запрещаю. Убирайтесь.

– Лорд, мы не можем...

– Ты не можешь? – Кай шагнул вперёд, и чёрные попятнулись. – Ты, Верховный Пёс, говоришь мне, Лорду Севера, что не можешь выполнить мой приказ?

– Ваш брат...

– Мой брат – предатель, захвативший мои замки. А я – законный правитель. Выбирай, Пёс. Или ты убираешься сейчас, или останешься здесь навсегда.

Главный колебался. Я видела, как в его глазах мечутся мысли – страх перед Каем, страх перед Деймоном, страх перед неизбежным.

– Мы уйдём, – сказал он наконец. – Но ваш брат узнает, что вы живы.

– Пусть узнает. Я всё равно собирался навестить его.

Главный кивнул своим. Чёрные отпустили тётю Глашу и Михея, вскочили на лошадей.

– Ещё увидимся, Лорд, – бросил главный на прощание.

– Надейся, что нет.

Всадники ускакали. Толпа выдохнула. Тётя Глаша осела прямо на землю, и женщины бросились к ней.

А Кай стоял посреди улицы, и все на него смотрели. Крестьяне, которые всю жизнь боялись Северного Лорда, теперь видели, как он защитил их.

– Лорд, – вдруг сказал Михей и поклонился. За ним поклонились другие. Сначала робко, потом смелее.

– Вставайте, – Кай поморщился. – Я не за этим сюда пришёл.

– А за чем? – спросил Михей.

Кай обернулся и посмотрел прямо на мою избу.

– За ней.

–

В дом я впустила его через заднюю дверь.

– Ты с ума сошёл! – зашипела я, как только он переступил порог. – Зачем ты вышел? Зачем сказал про меня?

– Затем, что они бы не ушли иначе. Перерыли бы всю деревню, нашли бы тебя, и тогда – прощай, тётя Глаша.

– Но теперь они знают, что ты жив! Твой брат...

– Мой брат и так узнал бы. Рано или поздно. Лучше рано.

Я смотрела на него и не знала, злиться или благодарить.

– Ты рисковал собой ради каких-то крестьян.

– Они твои друзья. Значит, мои тоже.

Просто. Без пафоса, без геройства. Просто факт.

У меня защипало в глазах.

– Дурак, – сказала я. – Северный дурак.

– Согласен, – кивнул он. – Но живой.

–

Вечером в мою дверь постучали. Я открыла – на пороге стояла тётя Глаша с полным подолом гостинцев.

– Ты это... – начала она, но голос сорвался. – Спасибо твоему... этому... Лорду.

– Я передам.
– Ты сама-то как? – она вглядывалась в моё лицо. – Не обижает?
– Нет, что вы. Он...
– Он тебя любит, – перебила тётя Глаша. – Я видела, как он на тебя смотрел. Так только на одну смотрят.
– Тётя Глаша!
– Молчу, молчу. – Она сунула мне в руки узел. – Тут пироги, молоко, яйца. Корми своего Лорда. И себя корми. Худая, как щепка.
– Спасибо.
– А те люди... они вернутся?
Я помолчала.
– Вернутся. Но нас уже здесь не будет.
Тётя Глаша кивнула, утирая слёзы:
– Я знала, что ты не наша. Слишком тонкая кость, слишком правильная речь. Но добрая. Добрая ты, Айка. Пусть тебе повезёт.
Мы обнялись. В последний раз.
–
Ночью мы ушли.
Кай нашёл лошадей – где, не спрашивайте – и мы выехали, когда деревня уснула. Луна светила ярко, дорога вилась лентой между полей.
– Куда теперь? – спросила я.
– В Цитадель. Там безопасно.
– Ты сам говорил, что половина твоих людей предала.
– Значит, разберёмся с предателями.
Я смотрела на его прямую спину, на развевающийся плащ, и думала о том, что всего неделю назад моей главной заботой было, где найти корень одуванчика.
– Кай, – позвала я.
– М?
– Ты правда думаешь, что я смогу помочь?
– Я не думаю, – ответил он, не оборачиваясь. – Я знаю. Ты – последняя из рода Солнца. Без тебя Север погибнет.
– А с тобой?
– А со мной у нас есть шанс.
И мы поехали дальше, в ночь, навстречу неизвестности. А позади оставалась деревня Медовый Ручей, моя тихая жизнь и та девушка, которая боялась собственной тени.
Впереди была война.
–
Мы ехали второй день.
Лес вокруг стоял стеной – тёмный, вековой, с ветвями, переплетёнными так плотно, что даже днём здесь царил сумрак. Северный лес не любил чужаков. Он давил, пугал, шептал головами, которых не было.
Я держалась близко к Каю, стараясь не отставать. Лошадь подо мной – серая кобыла с умными глазами – шла послушно, но я чувствовала её страх. Животные чуяли то, что не видели люди.
– Устала? – спросил Кай, придерживая коня.
– Нет, – соврала я.
– Врёшь. У тебя плечи дрожат.
Я промолчала. Плечи и правда дрожали – от холода, от страха, от напряжения. Мы не останавливались с рассвета, и силы были на исходе.

– Скоро будет поляна, – сказал Кай. – Там отдохнём.

– Откуда ты знаешь?

– Я здесь вырос.

Я хотела спросить ещё что-то, но вдруг замерла.

Воздух изменился.

Обычно я не придавала значения таким вещам – ну, пахнет лес, ну, ветер дует. Но сейчас всё стало другим. Запахи усилились, звуки обострились, а в груди появилось странное тянущее чувство – будто кто-то сжал сердце холодной рукой.

– Кай, – сказала я тихо. – Остановись.

Он обернулся, нахмурившись:

– Что такое?

– Не знаю. Но там, – я махнула рукой вперёд, – что-то не так.

Он прислушался, вглядываясь в лес. Птицы молчали. Даже ветер затих.

– Я ничего не чувствую, – сказал он.

– А я чувствую. Там опасность.

– Какая?

Я закрыла глаза, пытаюсь понять. В голове замелькали образы – смутные, обрывочные. Чёрные фигуры, блеск металла, запах крови.

– Засада, – выдохнула я. – Человек пять. Может, шесть. Они ждут.

– Откуда ты...

– Не знаю. Просто знаю.

Кай смотрел на меня долгим взглядом. Потом кивнул:

– Верю.

Он спешился, жестом велел мне сделать то же. Мы отвели лошадей вглубь леса, привязали к деревьям и двинулись пешком.

– Покажешь, где? – спросил он.

Я повела его, ориентируясь на то странное чувство внутри. Оно вело меня, как путеводная нить. Левая рука сама сжалась в кулак, ноги ступали бесшумно.

Мы вышли к краю оврага. Внизу, метрах в тридцати, вилась дорога – та самая, по которой мы должны были ехать.

А на дороге стояли люди в чёрном.

Шестеро. С арбалетами наготове. Они ждали, спрятавшись за камнями и деревьями.

– Твою ж... – выдохнул Кай. – Как ты?

Я только покачала головой. Я и сама не понимала.

–

Мы отползли назад, в безопасное место.

– Люди Деймона, – сказал Кай. – Знал, что пошлёт вдогонку. Но откуда они знали, что мы пойдём этой дорогой?

– Может, гадали?

– Не гадали. Знали. Кто-то сказал.

Я вспомнила главного в деревне. Его глаза, когда он смотрел на Кая. У него было время послать весточку, пока они уезжали.

– Нас предали, – сказала я.

– В моём окружении? Не может быть.

– Может. Ты сам говорил, половина переметнулась к брату.

Кай помрачнел. Я видела, как ему больно это слышать, но спорить он не стал.

– Ладно. Что будем делать?

Я посмотрела на него удивлённо:

– Ты спрашиваешь меня?

– Ты почуяла их раньше, чем я. У тебя дар. Я буду дураком, если не воспользуюсь им. Я задумалась. В голове снова замелькали образы. Не такие, как в первый раз – чётче, ярче. Я видела, как мы обходим засаду с другой стороны, как подкрадываемся, как...

– Нам нужно разделиться, – сказала я.

– Исключено.

– Выслушай. Ты зайдешь слева, я – справа. У тебя меч, у меня – травы.

– Травы против арбалетов?

– У меня особые травы, – я достала из мешочка пучок сушёных листьев. – Сонный порошок. Если подобраться близко и бросить против ветра, они уснут раньше, чем поймут, что случилось.

Кай смотрел на меня с новым уважением:

– А ты опасная девушка.

– Я травница. Мы все опасные.

–

Мы двинулись в обход.

Я кралась сквозь кусты, стараясь ступать бесшумно. Странное чувство внутри пульсировало, подсказывая, куда ставить ногу, где пригнуться, когда замереть.

Ветка под ногой – я замерла, чувствуя, что впереди опасность. Точно: в двух шагах от меня, за деревом, стоял часовой. Он смотрел в другую сторону, но если бы я сделала шаг...

Я затаила дыхание. Чувство внутри затихло, давая знак – жди. Я ждала.

Часовой вдруг насторожился, повернул голову. На секунду мне показалось, что он меня заметил. Но нет – он смотрел в сторону, где заходил Кай.

Я выскользнула из укрытия, как только он отвернулся, и метнулась ближе. Ещё немного. Ещё чуть-чуть.

Вот они. Все шестеро. Сидят за камнями, арбалеты наготове, ждут.

Я достала пучок травы, растёрла в ладонях. Порошок был готов. Оставалось только бросить.

Но ветер... ветер дул не в ту сторону.

Я замерла, прислушиваясь к себе. Чувство внутри заворочалось, подсказывая – жди. Ветер переменится через несколько минут.

Я ждала.

Сердце колотилось где-то в горле. Кай замер по ту сторону дороги, готовый к атаке. Люди в чёрном переговаривались тихо, но я слышала каждое слово.

– Долго ещё ждать?

– Сколько надо. Лорд сказал – взять живыми.

– Девку тоже?

– Девку особенно. Лорд хочет её сам допросить.

– Слышал, она из рода Солнца?

– Брешут. Все они сдохли пять лет назад.

– А если нет?

– Тогда нам повезло. Лорд щедро заплатит.

Ветер переменился. Резко, неожиданно, ударил в мою сторону.

Я бросила порошок.

–

Трава взвилась облаком, серым, почти незаметным в сумраке. Люди вдохнули, закашлялись, попытались вскочить – и осели. Один, второй, третий... Через минуту все шестеро спали мёртвым сном.

– Живы? – спросил Кай, выходя из укрытия.

– Живы, – кивнула я. – Часа через три очнутся.

– Хорошо. Свяжем их на всякий случай.

Мы спустились к спящим. Я смотрела на их лица – обычные люди, не твари. Просто наёмники, выполняющие приказ.

– Что с ними делать?

– Оставим здесь. Кто-нибудь найдёт.

– А если раньше найдут тени?

– Значит, не повезло. – Кай пожал плечами. – Они собирались убить тебя. Или хуже. Не жалею их.

– Я не жалею. Просто...

– Просто?

– Просто я не хочу становиться такой же. Как они.

Кай посмотрел на меня долгим взглядом:

– Не станешь. Ты другая.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. – Он отвернулся и пошёл к лошадям. – Едем. Нам ещё далеко.

–

Дальше мы ехали осторожнее. Я постоянно прислушивалась к себе, к тому странному чувству, которое теперь жило в груди. Оно то затихало, то снова просыпалось, подсказывая, направляя.

– Как ты это делаешь? – спросил Кай, когда мы остановились на привал.

– Не знаю. Раньше такого не было.

– Было. Просто ты не обращала внимания. Травницы всегда чувствуют свои растения, погоду, болезни. Это первый шаг.

– К чему?

– К дару Предвидения. У древних магов Солнца он был. Они чувствовали опасность за день, за два. Могли предсказывать будущее.

– И что с ними стало?

– Их убили. Боялись.

Я промолчала. Амулет на шее нагрелся, будто напоминая о себе.

– Кай, – сказала я. – Если я правда могу предчувствовать... это поможет нам?

– Очень. – Он смотрел на огонь, и в его глазах плясали отблески пламени. – Это может спасти нам жизнь.

– Тогда я буду учиться.

– Учиться?

– Управлять этим. Понимать. Использовать.

Он усмехнулся:

– Ты удивительная, Айка.

– Я Айрис, – вдруг сказала я. – Меня зовут Айрис. Айка – это для деревни.

Кай поднял голову. В его глазах я увидела что-то тёплое.

– Айрис, – повторил он. – Красивое имя. Подходит тебе.

– Почему?

– Потому что так звали богиню рассвета. Ту, что приносит свет после самой тёмной ночи.

Я отвернулась, пряча смущение. Амулет на шее горел теплом.

–

Ночью мне снова приснился сон. Но теперь в нём не было огня и смерти. Был лёд. Огромный ледяной замок, сверкающий в лучах северного солнца. И две фигуры на башне – мужская и женская. Они стояли рядом, глядя на закат.

Я проснулась оттого, что Кай тряс меня за плечо.

– Тени, – сказал он. – Идут.

Я села, мгновенно проснувшись. Чувство внутри взвыло, забилося, как птица в клетке.
– Много, – выдохнула я. – Очень много.

– Сколько?

– Десятка два. Может, больше.

Кай выругался сквозь зубы.

– Не отобьёмся.

– Знаю.

Мы смотрели друг на друга. Вокруг сгущалась тьма.

– Есть идея? – спросил он.

Я закрыла глаза, прислушиваясь к себе. И вдруг увидела – тропу. Маленькую, почти незаметную, уходящую в сторону.

– Туда, – сказала я, открывая глаза. – Там безопасно.

– Откуда знаешь?

– Знаю.

Кай не стал спорить. Мы вскочили на лошадей и понеслись сквозь ночь, а за спиной выли тени, и лес смыкался за нами, пряча следы.

–

Мы скакали, не разбирая дороги. Ветки хлестали по лицу, лошади храпели от страха, но я чувствовала – мы движемся правильно. Чувство внутри вело меня, не давая сбиться.

Тропа вывела нас к реке. Неширокой, но быстрой, с холодной чёрной водой.

– Переправляться? – спросил Кай.

– Да. Тени не любят воду.

Мы въехали в реку. Лошади заупрямились, но пошли. Вода доходила до брюха, ледяная, обжигающая.

На том берегу я оглянулась. Тени стояли у воды и выли. Переходить они не рискнули.

– Сработало, – выдохнул Кай. – Твой дар сработал.

Я сползла с лошади и рухнула на колени. Силы кончились. Чувство внутри затихло, будто устало.

– Айрис! – Кай подхватил меня, не давая упасть. – Ты как?

– Жива, – прошептала я. – Но больше так не могу. Это выматывает.

– Отдыхай. Я посторожу.

Он усадил меня под дерево, укрыл плащом. Я закрыла глаза, чувствуя, как проваливаюсь в сон.

Последнее, что я увидела – его лицо, склонённое надо мной, и странное выражение в глазах. Будто он смотрел на что-то бесконечно ценное.

–

Утром я проснулась от запаха дыма. Кай жарил на костре какую-то дичь.

– Очнулась? – он обернулся. – Есть хочешь?

– Хочу, – удивилась я собственному голосу.

– Тогда ешь. И нам пора.

– Куда?

– В Цитадель. Осталось полдня пути.

Я села, чувствуя, что силы вернулись. Чувство внутри дремало, но я знала – оно проснётся, если понадобится.

– Кай, – позвала я.

– М?

– Спасибо. Что поверил.

Он улыбнулся – редко, но так тепло, что у меня сердце пропустило удар.

– Это ты меня спасаешь. Мне тебя благодарить.

Мы позавтракали молча, глядя, как встаёт солнце над Северным лесом.
Впереди была Цитадель.

–

Мы вернулись в Медовый Ручей на третий день.
Не по своей воле.

Чувство внутри проснулось на рассвете – острое, болезненное, как заноза под ногтем. Я вскочила, едва продрав глаза, и схватила Кая за руку:

– Нам нужно назад. Срочно.

– Что случилось?

– Не знаю. Но там, в деревне... что-то плохое. Очень плохое.

Кай не стал спорить. Мы развернули лошадей и понеслись обратно, ломая кусты, не разбирая дороги.

Я чувствовала, как с каждым шагом внутри нарастает тревога. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, дыхание сбивалось. Амулет на шее нагрелся так, что начал жечь кожу.

– Быстрее, – шептала я. – Пожалуйста, быстрее.

–

Лес кончился внезапно. Мы вылетели на опушку, и я закричала.
Медовый Ручей горел.

Огонь полыхал так яростно, что небу стало тесно. Чёрный дым поднимался к облакам, закрывая солнце. Избы – моя, тётя Глаши, Михея, старосты – всё пылало, как огромный костёр.

– Нет! – я рванула вперёд, но Кай схватил мою лошадь под уздцы. – Пусти!

– Стой! Там уже никого не спасти!

– Тётя Глаша! Михей! Дети! – я вырывалась, била его по рукам, но он держал крепко.

– Посмотри! – рявкнул он, разворачивая меня к деревне. – Посмотри внимательно!

Я смотрела сквозь слёзы и видела. Люди в чёрном стояли по краям деревни и не давали никому выйти. Тех, кто пытался бежать, сбивали с ног арбалетными болтами.

– Это они, – прошептала я. – Те, кто искал меня.

– Да.

– Из-за меня... из-за меня они...

– Айрис, – Кай схватил меня за плечи, заставляя смотреть на него. – Это не ты. Это те, кто отдал приказ. Ты не виновата.

– Но если бы я ушла раньше...

– Ты ушла. Мы ушли. А они пришли после.

Я вырвалась и снова посмотрела на деревню. Там, у колодца, я увидела тётю Глашу. Она стояла на коленях, а над ней возвышался человек в чёрном плаще – тот самый главный, что приходил раньше.

– Отпустите их! – закричала я, но ветер унёс мой голос в сторону.

Главный поднял меч.

– НЕТ!

Удар. Тётя Глаша упала.

Я закричала так, что охрипла. Кай держал меня, не давая броситься в огонь. Я билась в его руках, царапалась, кусалась – но он не отпускал.

– Убей меня, – рыдала я. – Убей, если не даёшь спасти!

– Я не дам тебе умереть, – глухо ответил он. – Не для того спасал.

–

Они жгли деревню долго. Часа два, может, три. Когда последняя изба рухнула, люди в чёрном собрались у околицы, пересчитались и уехали.

Мы ждали, пока стихнет топот копыт.

– Сиди здесь, – приказал Кай. – Я схожу.

– Я с тобой.

– Айрис...

– Я сказала – с тобой.

Он посмотрел на меня и кивнул.

Мы спустились к пепелищу.

–

То, что я увидела там, не забуду никогда.

Угли, головешки, обгоревшие брёвна. Запах гари и ещё чего-то сладковатого, страшного. Тётя Глаша лежала там же, где упала. Рядом с ней – Михей, пытавшийся её защитить. Чуть дальше – дети. Маленькие, совсем ещё.

Я упала на колени и меня вырвало.

Кай стоял рядом, молча. Когда приступ прошёл, я подняла голову и увидела, что он смотрит не на тела. Он смотрит на что-то в стороне.

– Айрис, – позвал он тихо. – Иди сюда.

Я поднялась на ватных ногах и подошла.

Среди пепла, на том месте, где стояла моя изба, что-то светилось.

Амулет.

Он лежал прямо на углях, чистый, нетронутый огнём, и светился ровным золотистым светом.

– Как?.. – я протянула руку.

– Не трогай! – Кай перехватил мою ладонь. – Подожди.

Он огляделся, подобрал палку и осторожно перевернул амулет. Тот блеснул и погас.

– Ты оставила его в доме? – спросил Кай.

– Да. Когда мы уходили, я сняла и положила на стол. Думала, так безопаснее.

– Дура, – выдохнул он. – Это же родовой артефакт! Он должен быть на тебе всегда!

– Откуда я знала?

– Знала. Чувствовала.

Я промолчала, потому что он был прав. Я чувствовала. Ещё в лесу, когда проснулась от тревоги, амулет жег кожу. А я не поняла.

– Почему он уцелел? – спросила я.

Кай поднял амулет палкой, стряхнул пепел.

– Потому что это не просто металл. Это магия. Магия твоего рода. Огонь ей не страшен.

– А если бы я была с ним?

– Ты бы тоже уцелела. Он бы защитил.

Я смотрела на амулет и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное, тяжёлое. Злость. На себя, на людей в чёрном, на весь мир.

– Надень, – Кай протянул мне амулет на палке. – И больше никогда не снимай.

Я взяла его голыми руками. Металл обжёг ладонь – горячий, но не больно. Будто здоровался.

– Что теперь? – спросила я.

– Теперь мы идём в Цитадель. И там решаем, как убить моего брата.

–

Мы похоронили тётю Глашу и всех, кого нашли. Кай рыл могилы молча, я заворачивала тела в то, что осталось от одежды. Руки дрожали, слёзы текли сами собой, но я не останавливалась.

– Айка, – вдруг раздался слабый голос.

Я замерла.

– Тётя Глаша?

Тело, которое я заворачивала, шевельнулось. Я откинула ткань и чуть не закричала от радости – старуха смотрела на меня мутными глазами и шевелила губами.

– Жива! Кай, она жива!

Кай подбежал, опустился на колени. Осмотрел рану – меч вошёл в плечо, но не задел жизненно важное. Крови много, но выжить можно.

– Как ты? – спросил он.

– Помираю, – прошептала тётя Глаша. – Чую, умираю.

– Не помрёшь, – отрезала я, разрывая ткань на бинты. – Я не дам.

Я работала лихорадочно. Травы, что остались в мешочке, вода из фляги, собственная кровь – несколько капель, чтобы запечатать рану. Тётя Глаша стонала, но терпела. Крепкая оказалась старуха.

– Зачем? – спросила она, когда я закончила. – Зачем меня спасать? Я старая, мне уже...

– Молчите, – перебила я. – Вы мне как мать были. Пять лет кормили, поили, замуж пытались выдать. Думаете, я такое забуду?

Тётя Глаша слабо улыбнулась:

– Дура ты, Айка. Хорошая дура.

– Знаю.

–

Мы не могли оставаться на пепелище. Люди в чёрном могли вернуться, чтобы проверить, все ли мертвы.

Кай соорудил носилки из веток и плаща, и мы понесли тётю Глашу в лес. Я шла впереди, выбирая дорогу – чувство внутри вело меня туда, где безопасно. Кай нёс носилки, ни разу не пожалевшись на тяжесть.

– Куда мы её? – спросил он.

– Есть одно место. Лесная изба, я находила её, когда собирала травы. Там сухо и никто не ходит.

– Надолго?

– Пока не оклемается. А потом... потом решим.

–

Лесная изба оказалась на месте. Маленькая, покосившаяся, но с целой крышей и печкой. Я уложила тётю Глашу на лавку, разожгла огонь, поставила греться воду.

– Вы здесь побудете, – сказала я. – Я оставлю травы, еду. Как поправитесь – идите в другую деревню. На юг. Там безопасно.

– А ты? – тётя Глаша поймала мою руку. – Ты куда?

– Мне нужно на Север. В Цитадель.

– К Лорду этому?

– К нему.

Тётя Глаша посмотрела на Кая, который стоял у двери, отвернувшись, чтобы не мешать.

– Хороший он, – сказала тихо. – Я сначала боялась, а теперь вижу – хороший. Береги его.

– Он меня бережёт, – улыбнулась я.

– Это взаимно. Я видела, как ты на него смотришь.

– Тётя Глаша!

– Молчу, молчу. – Она вздохнула. – Ступайте. А я тут... я выживу. Не впервой.

Я обняла её, чувствуя, как слёзы снова подступают.

– Простите меня. За всё.

– Не за что прощать, глупая. Ты не виновата, что родилась такой. И не виновата, что они звери.

Я поцеловала её в лоб и вышла.

–

Кай ждал у крыльца.

– Готова?

– Да.

– Пойдём. Нам ещё долго.

Мы пошли через лес, оставляя позади избу, пепелище и ту жизнь, которая кончилась сегодня.

Амулет на шее грел кожу.

– Кай, – сказала я. – Я научусь. Всему научусь. И я убью твоего брата.

Он посмотрел на меня удивлённо:

– Ты? Убьёшь?

– Я. Он заплатит за тётю Глашу. За Михея. За детей.

– Убийство меняет людей, Айрис.

– Я уже изменилась. Сегодня.

Мы шли молча. Лес шумел, где-то кричали птицы, пахло хвоей и сыростью. А во мне росло что-то новое. Твёрдое, как камень. Холодное, как лёд.

Я больше не была той испуганной травницей, что пряталась пять лет.

Я была последней из рода Солнца.

И я жаждала мести.

–

Мы шли по лесу уже четвёртый час.

Ноги гудели, плечи ныли от тяжёлого мешка с травами, но я не жаловалась. После того, что случилось в деревне, жаловаться казалось кощунством. Тётя Глаша осталась в избушке, мы – уходили всё дальше на север, туда, где, по словам Кая, начинались настоящие опасности.

Лес вокруг менялся. Деревья становились выше, мрачнее, ветви переплетались так плотно, что солнечный свет едва пробивался сквозь них. Воздух стал холоднее, пахло сыростью и чем-то ещё – сладковатым, тяжёлым.

– Чуешь? – спросил Кай, останавливаясь.

– Магия, – ответила я, прислушиваясь к себе. – Старая. Злая.

– Граница. Дальше начинаются земли, где тени чувствуют себя вольготно.

– А мы?

– А мы чужие. Для них.

Я поправила амулет на шее. Он слегка пульсировал, будто живой.

– Он защитит, – сказал Кай, заметив мой жест. – Но надейся не только на него.

– На что ещё?

– На себя. На свой дар. На то, что внутри тебя.

Я хотела ответить, но вдруг замерла.

Чувство внутри взвыло. Так сильно, что я пошатнулась и схватилась за ближайшее дерево.

– Айрис?

– Там, – выдохнула я, показывая рукой вперёд. – Что-то идёт. Большое. Очень быстро.

Кай мгновенно выхватил меч и встал в боевую стойку.

– Сколько?

– Одно. Но оно... оно не такое, как те.

– Какое?

Я закрыла глаза, пытаюсь разглядеть. В голове замелькали образы – огромная тень, горящие глаза, когти, длинные, как мои пальцы.

– Тварь. Из самого низа. Её послали за нами.

– Демон, – процедил Кай. – Знал же, что пошлёт.

Лес вокруг замер. Даже ветер стих. Тишина стала такой плотной, что заложило уши.

А потом из темноты шагнуло ОНО.

–

Я не могла пошевелиться.

Тварь была огромной – выше самых высоких деревьев, сторбленная, покрытая чёрной чешуёй. Морда – не то волчья, не то человеческая, с горящими красными глазами. Из пасти капала слизь, прожигаящая землю.

– Теневой вепрь, – сквозь зубы сказал Кай. – Король теней. Деймон не пожалел сил.

– Что делать? – прошептала я.

– Стой за мной. И не высывайся.

Вепрь зарычал – низко, утробно, так, что задрожала земля. И бросился.

–

Кай встретил его мечом.

Я никогда не видела, как он сражается по-настоящему. В деревне, с тенями, это было одно. Сейчас – другое.

Он двигался так быстро, что глаз не успевал следить. Удар, уворот, ещё удар – меч сверкал в темноте, высекая искры из чешуи твари. Вепрь ревел, бил лапами, но Кай уворачивался, оставаясь неуязвимым.

– Беги! – крикнул он мне. – Я задержу!

– Нет!

– Беги, кому сказал!

Я не побежала. Вместо этого я достала из мешка всё, что у меня было. Сонный порошок, едкие травы, сушёные корни. Всё, что могло хоть как-то помочь.

– Эй! – крикнула я твари. – Сюда!

Вепрь обернулся. Красные глаза уставились на меня.

– Айрис, нет!

Я бросила порошок. Тварь вдохнула, закашлялась – и разлилась ещё сильнее. Она рванула ко мне, и я поняла, что сейчас умру.

Но Кай оказался быстрее.

Он врезался в тварь со всей силы, сбивая её с ног. Они покатались по земле, ломая деревья, поднимая тучи снега и грязи. Я видела только мелькание чёрного и серебристого, слышала только рёв и лязг металла.

А потом всё стихло.

–

Кай стоял над тушей поверженного вепря.

Он был весь в чёрной крови, тяжело дышал, но стоял. Меч в его руке светился холодным голубым светом.

– Кай! – я бросилась к нему. – Ты ранен?

– Нет, – ответил он, не оборачиваясь. – Не смотри на меня.

– Почему?

– Не смотри, сказал!

Но я уже смотрела.

Его глаза...

Они горели. Холодным, ледяным пламенем, таким ярким, что больно было смотреть. Зрачков не было – только свет, льющийся изнутри.

– Что с тобой? – прошептала я, отступая на шаг.

– Это проклятие, – глухо ответил он. – Когда я выпускаю силу, оно просыпается.

– Ты пугаешь меня.

– Я знаю. Отойди.

Я не отошла. Вместо этого я шагнула ближе и протянула руку к его лицу.

– Не трогай! – рявкнул он. – Я могу навредить тебе!

– Не можешь.

Мои пальцы коснулись его щеки. Кожа была ледяной – такой холодной, что обжигала.

– Ты дрожишь, – сказала я.

– Мне холодно. Всегда холодно.

– Я согрею.

Я прижалась к нему, обхватив руками. Чувствовала, как он напряжён, как дрожит крупная дрожь, как сила внутри него борется с чем-то тёмным.

– Уходи, – прошептал он. – Пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

– Я хочу видеть. Всего. Таким, какой ты есть.

Он замер. Потом его руки – медленно, неуверенно – обняли меня в ответ.

– Ты не боишься? – спросил он тихо.

– Боюсь, – честно ответила я. – Но это неважно.

– Почему?

– Потому что ты спас меня. Потому что ты хороший. Потому что... – я запнулась. – Потому что я тебе верю.

–

Мы стояли так долго. Минуту, пять, десять. Постепенно тепло моего тела передавалось ему. Глаза перестали светиться, стали обычными – светлыми, усталыми, человеческими.

– Прости, – сказал он, когда отпустил меня. – Я должен был предупредить.

– О чём?

– О том, что я опасен. Что во мне живёт тьма. Что однажды я могу не справиться.

– Но ты справился.

– Сегодня – да. А завтра?

Я посмотрела на него. На его лицо, осунувшееся от усталости. На руки, всё ещё сжимающие меч. На глаза, в которых застыла такая боль, что у меня сердце разрывалось.

– Завтра мы справимся вместе, – сказала я. – И послезавтра. И всегда.

Он улыбнулся. Слабо, едва заметно, но улыбнулся.

– Ты невероятная, Айрис.

– Знаю, – ответила я. – Пойдём. Нам ещё идти.

–

Тушу вепря мы оставили в лесу. Кай сказал, что тени будут долго бояться приближаться к этому месту – запах смерти короля отпугивает их.

– На сколько хватит? – спросила я.

– Дня на два. Может, три.

– А потом?

– Потом придут новые. Деймон не успокоится.

Я шла и думала о том, что моя жизнь превратилась в сплошной бег. От теней, от людей в чёрном, от смерти. И о том, что рядом со мной идёт человек, который может уничтожить всё вокруг одной лишь силой – но боится причинить мне боль.

– Кай, – спросила я. – А что будет, если ты выпустишь силу полностью?

Он помолчал.

– Я не знаю. Никто не знает. Никто из моего рода не заходил так далеко.

– А твой брат?

– Деймон боится своей силы. Он хочет снять проклятие, потому что не может с ним жить.

Я... я научился.

– Ты сильнее.

– Нет. Просто я принял. А он – нет.

–

К ночи мы вышли к реке. Широкой, тёмной, с быстрым течением.

– Здесь переночуем, – сказал Кай. – За рекой начинаются земли Цитадели.

– А там безопасно?

– Там мои люди. Настоящие. Те, кто не предал.

Я смотрела на воду и чувствовала, как внутри поднимается странное волнение. Скоро я увижу место, где живёт Кай. Его дом. Его мир.

– Боишься? – спросил он.

– Немного.

– Не бойся. Я рядом.

Он разжёт костёр, достал припасы. Мы ели молча, глядя на огонь. Я чувствовала, как усталость наваливается тяжёлым одеялом.

– Ложись спать, – сказал Кай. – Я постерегу.

– А ты?

– Я не устал.

– Врёшь.

– Немного, – улыбнулся он. – Спи.

Я завернулась в плащ, прижалась спиной к тёплому камню и закрыла глаза. Амулет на шее пульсировал ровно, успокаивающе.

Последнее, что я увидела перед сном – Кай, сидящий у костра, с мечом на коленях. Он смотрел на реку, и в его глазах отражалось пламя.

–

Ночью мне приснился сон.

Я стояла на вершине ледяной башни и смотрела вниз. Там, у подножия, кипела битва. Тысячи фигур – чёрных и светлых – сталкивались в смертельной схватке. А в центре стоял Кай. Он поднял меч к небу, и тьма хлынула из него, накрывая всё вокруг.

– Нет! – закричала я. – Остановись!

Он обернулся. Его глаза горели белым пламенем.

– Поздно, – сказал он чужим голосом. – Я не могу остановиться.

– Можешь! Я помогу!

– Ты погибнешь со мной.

– Я согласна!

Я бросилась к нему, и в этот момент проснулась.

–

Кай тряс меня за плечо.

– Айрис! Проснись! Тени!

Я села, мгновенно придя в себя. Чувство внутри выло, билось, кричало.

– Много?

– Полчища. Они перешли реку.

Я вскочила, хватая мешок. Кай уже затапывал костёр.

– Бежим?

– Нет. Бежать некуда. Будем драться.

– Кай, их слишком много!

– Знаю. – Он посмотрел на меня. – Прости.

– За что?

– За то, что втянул тебя в это.

– Не смей, – я шагнула к нему. – Не смей извиняться. Я сама выбрала.

Он улыбнулся – в последний раз, как мне показалось. И шагнул навстречу тьме.

–

Битва длилась вечность.

Я швыряла травы, резала руки, чтобы кровью запечатывать раны, кричала, когда тени подбирались слишком близко. Кай сражался как безумный – его меч сверкал, разрубая тьму, но тени всё прибывали.

– Айрис! – крикнул он. – Амулет! Активируй его!

– Как?

– Кровью! Своей кровью! Позови свет!

Я полоснула по ладони, зажала амулет в кулаке и закричала – громко, отчаянно, вкладывая всю боль, весь страх, всю надежду.

Амулет вспыхнул.

Свет хлынул из меня такой силы, что я ослепла на мгновение. Тени завизжали, заматались, начали таять. Свет прожигал их, разгонял, уничтожал.

А потом всё стихло.

–

Я упала на колени. Силы кончились. Амулет на шее погас, став обычным металлом.

– Айрис! – Кай подхватил меня. – Ты жива?

– Кажется, да, – прошептала я. – А ты?

– Жив. Благодаря тебе.

Я посмотрела на реку. Там, где только что кипела тьма, было пусто. Только пепел кружился в воздухе.

– Я сделала это?

– Мы сделали, – поправил Кай. – Вместе.

Он помог мне подняться. Мы стояли на берегу, оба израненные, уставшие до смерти – и живые.

– Пойдём, – сказал Кай. – Цитадель ждёт.

– Ты уверен, что там безопасно?

– Там мой дом. А значит, теперь и твой.

Мы пошли через реку, держась за руки. Вода была ледяной, но я не чувствовала холода. Впереди маячили огни Цитадели.

–

Цитадель встретила нас молчанием.

Стены из чёрного камня уходили высоко в небо, теряясь в облаках. Ледяные башни сверкали в лучах северного солнца, и от этого зрелища захватывало дух. Красиво. Страшно. Величественно.

– Это... это твой дом? – прошептала я.

– Мой, – ответил Кай. – Добро пожаловать в Цитадель Севера.

Ворота открылись без скрипа – бесшумно, плавно, будто приглашая войти. За ними стояли люди в чёрных доспехах – стража, выстроившаяся в два ряда. При виде Кая они опустились на одно колено.

– Лорд Кайан, – произнёс тот, что стоял первым. – Вы вернулись.

– Встаньте, Верн, – устало сказал Кай. – Мы едва держимся на ногах. Подготовьте комнаты и позовите лекаря.

– Лекаря? – Верн поднял голову и посмотрел на меня. В его взгляде читалось любопытство, смешанное с подозрением. – Кто это?

– Та, кто спасла мне жизнь. Относитесь к ней с уважением, как ко мне.

Стражники переглянулись, но спорить не посмели. Верн кивнул и отдал распоряжения.

Мы вошли в Цитадель.

–

Внутри оказалось ещё величественнее, чем снаружи. Огромный зал, уходящий ввысь, ледяные колонны, украшенные резьбой, камин, в котором горел огонь, но не грел. Холод пробирал до костей, и я зябко поёжилась.

– Здесь всегда так холодно? – спросила я.

– Это я, – виновато сказал Кай. – Моя сила. Она... охлаждает всё вокруг.

– Привыкну.

Я шла по ледяному полу, разглядывая убранство. Дорогие гобелены, оружие на стенах, странные светильники, в которых горел голубоватый свет.

– Магические огни, – пояснил Кай. – Горят без огня. Удобно.

– У вас здесь всё магическое?

– Почти. Север без магии не выживет.

Нас проводили в покои. Моя комната оказалась небольшой, но уютной – с настоящей кроватью, пушистыми шкурами на полу и камином, в котором весело потрескивали дрова.

– Отдыхай, – сказал Кай. – Вечером я приду, и мы поговорим.

– О чём?

– О том, кто ты. И о том, кто я. Честно.

Он ушёл, а я рухнула на кровать и провалилась в сон без сновидений.

–

Проснулась я от стука в дверь.

– Айрис? – голос Кая. – Можно?

– Да, входи.

Он вошёл – свежий, переодетый, с мокрыми после душа волосами. В простой тёмной рубашке и штанах он выглядел... почти обычным. Почти.

– Выспалась?

– Да. Сколько я спала?

– Шесть часов. Нормально для первого раза.

– А ты?

– Я не сплю.

– Совсем?

– Почти. Проклятие даёт силы, но забирает сон.

Я села на кровати, кутаясь в шкуру. Кай сел напротив, в кресло у камина.

– Ты обещал разговор, – напомнила я.

– Обещал. – Он помолчал. – Айрис, я должен тебе кое-что рассказать. О себе. О том, кто я на самом деле.

– Я знаю, кто ты. Ты Северный Лорд.

– Это только часть. Самая малая.

Он встал, подошёл к окну. За ним расстилались бескрайние снежные равнины.

– Мой род правит Севером тысячу лет. Мы хранители границы, те, кто сдерживает тьму, что рвётся из-за края мира. Но за это мы платим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.